

Бай Линшэн тут же разозлился, улыбнулся и, склонив голову набок, спросил:

— Вы цветы поливаете или себя?

— Мм? — не понял Тан Чжаонин.

— Да что «мм»? Ты что, здоровье крепкое? Волосы не высушил, носки не надел, а на улице уже холодно! — Бай Линшэн сменил выражение лица.

Тан Чжаонин не разозлился, а просто улыбнулся:

— В оранжерее есть отопление.

— Ты еще оправдываешься? Это не ты несколько дней назад начал носить меха? — Бай Линшэн был просто вне себя от заботы, потрогал его руку, чтобы проверить температуру, и лицо его стало еще мрачнее. — Немедленно иди в дом.

— Хорошо, хорошо, иду. — Тан Чжаонин сдался.

Бай Линшэн выхватил у него лейку и поставил на подставку для цветов, а затем бросил на него сердитый взгляд:

— Хм, хотя бы это ты понял.

Кто бы это ни был, каждый вечер зажигающий благовония перед сном и питающийся лечебными блюдами в пяти из десяти приемов пищи.

— Хм! Хм! — «Старый Будда» также выразил свое презрение, летая вокруг. — Хм! Хм! Хм!

Бай Линшэн раздраженно обернулся и посмотрел на попугая:

— Прекрати!

— Хм!

Человек и попугай словно сошлись в поединке.

Таким образом, на мощеной галькой дорожке особняка семьи Тан развернулась следующая сцена: Бай Линшэн, надутый от злости, шел впереди, а попугай, дерзко летая вокруг, продолжал его дразнить. Тан Чжаонин же шел сзади с легкой улыбкой на губах, но его взгляд, устремленный на Бай Линшэна, был полон тепла.

Хотя Бай Линшэн и приказал Тан Чжаонину вернуться в дом и высушить волосы, тот все же заболел.

Не из-за простуды, а из-за врожденного слабого здоровья. Врачи с детства советовали ему покой, но работа Тан Чжаонина не позволяла этого. Корпорация Тан была огромной, а отец Тан Чжаонина умер рано, поэтому давление на него было колоссальным.

Со временем у Тан Чжаонина развилась гипогликемия, которая в тяжелых случаях могла быть смертельной.

И вот, после долгих переездов, Тан Чжаонин снова оказался прикованным к постели на несколько дней.

Бай Линшэн, глядя на лежащего в постели бледного человека, не мог не беспокоиться. Даже если между ними не было ничего серьезного, они все же делили одну кровать много ночей. Дядя Лу и другие же были относительно спокойны и утешали Бай Линшэна:

— Молодой господин Бай, у нашего господина это хроническое заболевание. Каждый год ближе к концу года он особенно легко заболевает, так что проявите терпение.

— Тогда почему вы позволяете ему выходить? — нахмурился Бай Линшэн.

— Мы не можем его контролировать, он нас не слушает. А вот вы, молодой господин Бай, — человек из его покоев, и если вы скажете, чтобы он не выходил, он не выйдет.

«Человек из покоев» — что еще за ерунда? Хотя буквально это так, но не обманывайте меня, думая, что я мало читаю, Дядя Лу.

Но тут Дядя Лу бросил еще одну бомбу:

— Ах да, в это время года матушка обычно возвращается.

Мать Тан Чжаонина возвращается? Та самая легендарная женщина-лидер???

Бай Линшэн замолчал. Честно говоря, он восхищался матерью Тан Чжаонина. В глазах посторонних она казалась просто хрупкой домохозяйкой, но после смерти мужа смогла, с поддержкой тестя, удержать огромную корпорацию Тан и воспитать Тан Чжаонина и его младшего брата Тан Цина, который тогда был еще подростком. В общем, это была женщина с невероятной смелостью, решительностью и умом.

Столкнуться с ней лицом к лицу было для Бай Линшэна довольно пугающей перспективой.

Дядя Лу, видя, что Бай Линшэн задумался, вышел из комнаты. Бай Линшэн остался сидеть у кровати, погруженный в размышления, что дало лежащему в постели человеку возможность протянуть руку из-под одеяла, обнять его за плечи и всем телом прижаться к его спине.

Неожиданный вес заставил Бай Линшэна опустить плечи. Он обернулся и увидел, что Тан Чжаонин, закрыв глаза, удобно устроился, положив голову на его плечо, словно большая коала.

— Ты не можешь просто лежать спокойно?

— Так удобнее. — Тан Чжаонин вытянул свои длинные ноги, прижимаясь еще ближе, полностью втягивая Бай Линшэна в свою зону комфорта.

— Ты знаешь, что ты тяжелый?.. — Бай Линшэн помнил, что он имеет дело с больным, поэтому его тон не был строгим.

Но Тан Чжаонин, уткнувшись лицом в шею Бай Линшэна, раздвинул воротник его рубашки, требуя прямого контакта кожи.

Бай Линшэн неловко оттолкнул его голову:

— Не заходи слишком далеко.

Тан Чжаонин тихо рассмеялся и, не меняя позы, потянулся, чтобы ущипнуть Бай Линшэна за подбородок:

— Ты немного поправился.

Бай Линшэн отмахнулся от его руки:

— Это называется идеальной фигурой. Если не нравится, не трогай.

— Кто сказал, что мне не нравится?

Бай Линшэн: → _ →

— Ты не можешь просто лежать спокойно?

— Не могу. — Ну что поделать, он такой капризный. Тан Чжаонин продолжал висеть на Бай Линшэне, время от времени лениво меняя позу, обнимая его и уютно устраиваясь, полностью доверяя ему свой вес, в то время как сам спокойно спал.

Бай Линшэн чувствовал себя человеческим манекеном с функцией обогревателя, идеальным для дома и путешествий.

Он думал, что не сможет так легко сдаться, но, взглянув на бледное лицо Тан Чжаонина и его слабое выражение с закрытыми глазами, сердце его смягчилось. Сильные люди, когда становятся уязвимыми, кажутся особенно трогательными.

Бай Линшэн огляделся, потянулся назад, чтобы достать плед. Боясь разбудить Тан Чжаонина, он делал это осторожно, с небольшими усилиями. Однако его гибкость была на высоте, и вскоре он успешно накрыл Тан Чжаонина пледом.

Большой плед окутал Тан Чжаонина, а тот, в свою очередь, окутал Бай Линшэна. В комнате было тепло, и Бай Линшэн, посидев немного, тоже почувствовал сонливость. Его голова склонилась, и он заснул, прижавшись к Тан Чжаонину.

Тогда всемогущий господин Тан снова проснулся, потащил Бай Линшэна в свою постель, накрыл одеялом, поцеловал в уголок губ и обняв, заснул.

.....

Как оказалось, сонливость заразна.

Бай Линшэн, проспав всю ночь в объятиях Тан Чжаонина, не проснулся даже к девяти утра. В «Шэнтан» его ждали и ждали, а потом позвонили.

Телефон взял Тан Чжаонин, и Гэн Лэ, услышав незнакомый мужской голос, удивился, но осторожно спросил:

— Бай Линшэн на месте?

— Он еще спит. — Тан Чжаонин посмотрел на Бай Линшэна, который мирно посапывал, и сказал:

— Передай Старейшине Хо, что он придет днем.

— Хорошо. — Гэн Лэ ничего не стал уточнять и повесил трубку. Хотя он не знал, кто это был, но чувство авторитета в голосе было неподдельным, поэтому задавать лишние вопросы было неразумно.

«Ежедневные новости»...

С другой стороны, Бай Линшэн, проспав до полудня, наконец проснулся, потирая глаза, и увидел, что Тан Чжаонин уже бодрствует, сидя у изголовья кровати с кофе и книгой, тень от которой защищала его от яркого солнечного света.

— Проснулся? — Тан Чжаонин отложил книгу.

— Ммм... — От долгого сна голова Бай Линшэна была тяжелой, и он не хотел двигаться.

Увидев его легкую гримасу, Тан Чжаонин подтянул его к себе и нежно помассировал виски:

— Удобно?

Бай Линшэн, прижавшись к его груди, закрыл глаза и тихо застонал от удовольствия.

— Я хочу воды... — Всю ночь во сне он ел свиные ножки Ваньсянь и утку, а воды так и не попил.

Тан Чжаонин погладил его мягкие волосы и поднес кофе к его губам. Бай Линшэн послушно пил маленькими глотками, а затем, как кошка, высунул язык, чтобы облизать губы. Улыбка, появившаяся на его лице после того, как он напился, была такой же милой, как у кошки, а губы изогнулись, словно цифра «3».

Конечно, такое он мог делать только в полусонном состоянии.

И когда Тан Чжаонин, охваченный животным инстинктом, прижал его к кровати и начал страстно целовать, он даже не сопротивлялся, сбросив с себя маску гордого, стал горячим и смелым, активно вовлекаясь в поцелуй. Когда Тан Чжаонин добрался до его шеи, он с улыбкой откинул голову, обнажая кожу, которая, в отличие от бледной кожи Тан Чжаонина, была самого соблазнительного молочно-белого цвета, вызывая желание попробовать ее на вкус.

<http://bllate.org/book/16590/1516184>